

Независимая газета

Апология имитации

Почему Путин сопротивляется третьему сроку

2007-04-06 / Дмитрий Ефимович Фурман - доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Европы РАН.

Вся современная российская политическая жизнь построена на имитации. В 2008 году мы будем имитировать выборы президента. Мы не знаем, кто им станет, но одно знаем точно: на кого нам Путин укажет, того и выберем. Более того – будем его любить (а что еще остается делать?). У нас имитируется все – выборы, правосудие, партии и их борьба, тендеры, проверки качества вина, работа санинспекции и т.д. и т.п. Если дать волю раздражению, можно говорить о «чудовищной системе всеобщей лжи». Но давать волю раздражению не надо.

Прежде всего попытаемся понять: откуда эта система всеобщей имитации?

В плену культуры

Имитация возникает тогда, когда ты не следуешь норме, которую признаешь. Если выборы подтасовываются, значит, выборы – норма. Если имитируется борьба партий, значит, признается, что борьба партий – норма, и т.д. «Тотальная» система имитации норм правового демократического общества означает «тотальное» же принятие этих норм. Принятие не означает любви к этим нормам и глубокой внутренней потребности следовать им. Оно просто означает, что других норм нет. Мы живем в системе норм, которые противоречат нашим привычкам, нашей психологии, норм, с которыми нам «неудобно», реально следовать которым мы не можем. На рубеже 80–90-х годов прошлого века мы попробовали, и у нас не получилось. И дело именно в нас, то есть в обществе в целом, а не в том, что нам попадаются плохие правители, которые вместо того, чтобы «развивать гражданское общество», строят «властные вертикали». И Ельцин, и затем Путин шли по пути, указанному обществом, пути последовательной замены норм, по которым общество жить просто не может, их имитацией. И если бы на их месте оказался кто-то из страстных демократов, он или был бы вынужден идти по примерно такому же пути, или бы его убрали за то, что он вверх страну в хаос и жизнь при нем стала невыносимой.

Но почему же общество не может отбросить нормы, которым оно не следует и даже не может следовать? Откуда вообще взялись эти нормы? Почему на вопрос о преемнике Путин не может ответить «на кого покажу, тот и будет», а обязательно скажет «кого выберет народ»? Почему Ходорковского нельзя просто взять и посадить, а имущество отобрать, ибо «такова воля государя, он впал в немилость», а обязательно надо судить? Система имитации очень сложная, очень дорогостоящая. Почему нельзя ее отбросить?

Нормы, которые мы принимаем, хотя им и не следуем, – не наши. Нет у нашего общества глубокой внутренней потребности в разделении властей.

Нет даже особой потребности в альтернативных выборах. Это общие нормы современной культуры. Такие нормы всегда возникают в передовых странах и (или) в высших стратах общества. Но становятся нормами для всех. Ты можешь ненавидеть эти страны и эти страты, но, как бы ты их ни ненавидел, их нормы признаешь и, если не можешь им следовать, вынужден их имитировать. Пугачев вешал дворян, но именовал себя императором, а своих сподвижников – графами и фельдмаршалами. Саддам Хусейн ненавидел Запад, но называл себя вполне по-западному – президентом – и имел свой парламент и свою Конституцию. Конечно, можно сказать, что и Пугачев, и Хусейн лгали. Но все-таки слово «ложь» тут не совсем подходит. Это скорее обязательный «язык», заданный культурой. И хотя он совершенно не адекватен для выражения твоей реальности, другого у тебя просто нет. У общества может не быть потребности следовать этим нормам, но есть потребность и даже необходимость их имитировать.

Ответы без вопросов

Раньше царя можно было убить, можно было даже выдать себя за царя, но нельзя было вообще обойтись без царя, и нельзя было провозгласить себя царем, не принадлежа к царскому роду. Это просто «не приходило в голову». Так же в наше время можно подтасовать результаты выборов, можно даже сделать вообще выборы с одним кандидатом (хотя это уже на грани допустимого), но вообще без выборов обойтись нельзя. Это тоже никому «не приходит в голову». А в постсоветской России, похоже, уже нельзя обойтись и без хотя бы внешне альтернативных выборов.

Имитация правовых демократических форм – не только наша особенность. Они имитируются в десятках стран, неспособных жить в соответствии с нормами современной культуры, но вынужденных использовать язык этой культуры. Равным образом это не особенность только нашей постсоветской истории.

В советскую эпоху имитация демократии имела ограниченное значение, ибо у нас была своя целостная идеология, объясняющая правильность нашей имитации, говорившая, что это и есть истинная демократия, а западная система – это, наоборот, «буржуазная» псевдодемократия. Но даже эта мощная идейная система в своих обличениях западной демократии использовала тот же, единый для современной культуры язык. Она все равно говорила о демократии, свободе, воле народа и т.д. И относительная слабость данной идеологии, признание (пусть подавленное, убранное с верхних слоев сознания годами «политучебы» и заслоненное томами произведений «классиков марксизма») превосходства и обязательности «буржуазно-демократических» норм проявлялись в том, что эти нормы все равно имитировались.

Сейчас выборы все-таки что-то значат. На местном уровне вообще возможны неожиданности. При выборах президента результат ясен, но сколько голосов получит Зюганов – 10% или 20, отчасти зависит и от него и имеет какое-то значение. При советской власти выборы были полностью безальтернативны. Но обойтись без них не могли. Для чего были нужны абсолютно безальтернативные советские выборы с абсолютно предрешенным результатом? Для чего Сталину нужна была Конституция,

где прописаны все демократические нормы? Для обмана народа? Для обмана Запада? Но это слишком простые и примитивные ответы. Это ответы на вопросы, которые просто никем не задавались. И я думаю, что, если бы спросить Сталина или Брежнева, для чего нужна Конституция, они бы просто не поняли вопроса и совершенно честно ответили что-то вроде: «Как же можно без Конституции, ведь это Основной закон». «Как же можно без царя, ведь он помазанник». Над нормой не рефлексировали, она просто принимается. «Нельзя без Конституции» – и все тут. И без выборов нельзя. Норма создает обязательный, единственно возможный «язык». И если он не адекватен твоему содержанию, если он выработан для выражения совсем другого содержания, ты вынужден «запихивать» свое содержание в неадекватную для него форму. Но если другого языка у тебя нет, он начинает формировать тебя, твоё мировосприятие. Ты перестаешь различать содержание и форму выражения, и постепенно форма начинает определять содержание.

Прогресс поневоле

Имитация – не только средство обмана и самообмана. Это еще и средство обучения и усвоения. Советская власть заставляла людей ходить на абсолютно фиктивные выборы. И в народе возникло глубокое убеждение, что без выборов нельзя. Люди придавали громадное значение тому, что они голосуют. Они могли взбунтоваться и заявить, что если, например, власть не проведет в их поселок, как обещала, воду, то они голосовать не пойдут. И это вызывало у власти панику. И воду даже могли провести. Хотя ничего от того, придут люди голосовать или нет, не менялось. Ссылки на Конституцию были постоянны: «Что вы мне рот затыкаете, у нас в Конституции сказано про свободу слова». И здесь не было хитрых обманщиков и обманутых дураков. Это была единая система норм, одинаково принимавшихся членами Политбюро и рядовыми колхозниками, единый «советский язык».

И к концу советской власти стало ясно, что форма оказалась сильнее содержания. Содержание – социализм, КПСС, СССР, – как выяснилось, могло быть отброшено, но пустая форма Конституции, которая служила лишь прикрытием реальных механизмов власти, оказалась большей реальностью, чем сами эти механизмы. То, что когда-то казалось не имеющим почти никакого значения, например границы между республиками СССР, оказалось самым важным. Пустая конституционная форма победила содержание.

Мы не смогли в 1991 году претворить конституционализм в жизнь. Но мы все-таки поднялись на следующую ступень. Если советские люди уже не могли жить совсем без выборов, но могли (до определенного времени) совершенно без смеха и негодования воспринимать выборы с одним кандидатом от «блока коммунистов и беспартийных», то постсоветские люди уже восприняли необходимость многопартийности и альтернативности. Они еще не могут претворить эту альтернативность в реальность, но и совсем без нее уже не могут. И имитируются сейчас не просто выборы, а именно альтернативные выборы.

Если при советской власти перед каждыми выборами в Верховный Совет проделывалась громадная и вроде бы совершенно никому не нужная

работа – составлялись списки избирателей, по квартирам ходили агитаторы, в ходе выборов на избирательных участках выступали артисты и продавалась дефицитная колбаса, – то теперь сделан следующий шаг. Понятно, что власть стремится к управляемости. Но когда управляемость грозит стать полной «безальтернативностью», это власть пугает. Теперь власти нужно что-то невозможное – «управляемая альтернативность». При каждом выборе власть судорожно начинает организовывать оппозицию, срочно создаются партии – «Либеральная Россия», «Родина», «Справедливая Россия» и т.д. На всяких секретных совещаниях обсуждается вопрос, пустить или не пустить в Думу СПС, и т.д. и т.п. По сравнению с наивной и простодушной советской имитацией демократии это трудная, требующая колоссальных ресурсов (в том числе и интеллектуальных) работа.

И опять-таки, как и при советской власти, через имитацию происходит усвоение, интернализация демократических норм. И пустые, вроде бы служащие лишь прикрытием формы приобретают устойчивость и даже некоторую реальность. Ясно, что создание «Справедливой России» – кремлевский имитационный проект. Но «Справедливая Россия» совершенно всерьез и с ожесточением стала бороться с «Единой Россией». И в этой борьбе она использует единственно возможный демократический язык. Она борется с фальсификациями и «административным ресурсом». И, похоже, в результате выборы даже стали чуть более «прозрачными».

Прецедент Путина

Но самый поразительный пример приобретения формой реального значения – это, конечно, предстоящий уход Путина. Какова бы ни была его мотивация, как бы он ни предполагал дальше продолжать реально править в роли русского Дэн Сяопина, ясно, что этот шаг не объясним, исходя из реального соотношения сил. Он не объясним никаким давлением на президента. Напротив, Путину, несомненно, придется противостоять давлению тех, кто уговаривает его остаться. И уговаривает не только из сугубо своекорыстных соображений, но и потому, что это рискованный шаг, который может дестабилизировать сложившуюся систему.

Но этот шаг можно более или менее понять, если принять во внимание еще одну, вроде бы нереальную, несерьезную силу, «клочок бумаги» – Конституцию. Путин объясняет свое решение просто: третий срок противоречит Конституции. Это объяснение, похоже, никто не воспринимает всерьез. Но, возможно, оно логичнее, чем кажется. В Киевской Руси бояре вполне могли прогнать князя или даже убить его. Но бояре никогда не становились князьями. Предположим, мы спрашиваем боярина, почему, когда в его руках оказывается реальная власть, он не объявляет себя князем, а идет по сложному пути поисков нового князя. Что бы он ответил? Он бы ответил: «Но ведь я же не княжеского рода». Путин отвечает: «Но ведь это противоречит Конституции».

И если он действительно подчинится Конституции, а не согласится в последний момент с доводами «здравого смысла», это будет иметь грандиозное значение для страны. Это будет первый случай ухода верховного правителя от власти только потому, что так записано в «клочке бумаги», первый случай, когда «форма» определит «содержание» в самом

важном вопросе – вопросе верховной власти. Это создаст важнейший прецедент. И значение подобного президентского акта для правового, конституционного развития страны будет больше, чем значение всех направленных в прямо противоположную сторону предшествующих путинских действий.

Уход Путина станет важным шагом на пути превращения формы в содержание, имитации в реальность. Конечно, до действительного претворения принятых нами норм в реальность еще далеко. Самый решительный шаг произойдет тогда, когда мы выберем кого-то, не ангажированного действующей властью. Без глубоких политических кризисов тут обойтись принципиально невозможно, и произойдет это не так уж скоро. Но мы идем по этому пути.

Советское общество шло к «перестройке», к попытке претворить в реальность провозглашенные властью и зафиксированные в Конституции демократические нормы. Не получилось – возникла более свободная, но все же лишь имитирующая демократию система. Но эта система «на новом, высшем этапе» повторяет советское развитие. Она тоже идет к своему аналогу «перестройки» (или, скорее, к российскому аналогу цветной революции). И даже не такими уж черепашьими шагами.